

УДК 82

ОСТРОВНОЙ ЛОКУС В ПОВЕСТИ Л. ПЛАТОВА «АРХИПЕЛАГ ИСЧЕЗАЮЩИХ ОСТРОВОВ»

Давыдова Алёна Владимировна

канд. филол. наук

Северный арктический федеральный университет им. М.В. Ломоносова
Архангельск

author@apriori-journal.ru

Аннотация. Данная работа представляет собой частный этап в изучении северного текста русской литературы для детей. Автор рассматривает особенности формирования островного локуса в повести советского писателя середины XX века Л. Платова «Архипелаг исчезающих островов». Объектами анализа в статье становятся образная и композиционная структуры произведения, его жанровые и стилистические особенности.

Ключевые слова: Северный текст русской литературы; островной локус.

ISLAND LOCUS IN L. PLATOV'S STORY «THE ARCHIPELAGO OF DISAPPEARING ISLANDS»

Davydova Alyona Vladimirovna

candidate of philology

The Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov
Arhangelsk

Abstract. This work represents a private stage in studying of the Northern text of the Russian literature. The author considers features of formation of an island locus in the story of the Soviet writer of the middle of the XX century L. Platov «The archipelago of disappearing islands». Figurative and composite structures of story, its genre and stylistic features become objects of the analysis in this article.

Key words: Northern text of the Russian literature; island locus.

В жанровом отношении повесть Л. Платова «Архипелаг исчезающих островов» можно соотнести, с одной стороны, с приключенческой прозой в духе Ж. Верна, а с другой – с героическим соцреалистическим романом-путешествием и книгами В. Каверина «Два капитана», Е. Коковина «Детство в Соломбале», «Морская школа», «Первая любовь» и др.

Характерный для авантурной прозы, часто входящий в круг детского и юношеского чтения пафос открытия новых миров соединён у Л. Платова с присущими соцреалистической литературе идеями воспитания личности советского человека через стремление к достижению коллективной цели; партийности, концентрированно выраженная в образах положительных, опытных, мудрых и ответственных старших наставников Малышева и Овчаренко; жертвенного труда на благо общества (не только детская мечта о земле Ветлугина руководит Алексеем и Андреем, но и понимание важности открытия острова в этом районе Восточно-Сибирского моря для всей страны). Мотив труда в таком смысловом инварианте реализуется в повести во многом в рамках традиционного для советской производственной прозы конфликта новаторов и консерваторов, явленного в идейном и нравственном противостоянии мечтателей и практиков Алексея и Андрея и умозрительного теоретика и труса Союшкина.

Однако за подобными традиционными штампами советской литературы, данью эпохе, возникает в повести Л. Платова оригинальный образ Севера, балансирующий на грани выдумки и яви, мифа и науки. Центральным в художественной картине мира повести, заявленным уже в названии, является образ острова, архипелага островов.

Впервые в тексте он возникает в связи с образом учителя географии Петра Ариановича Ветлугина, человека пытливого ума, мечтателя с нетривиальным видением мира, влюблённого в Север, патриота, убеждённого в особой роли России в мире. В теории предположив существовании земли в определённой точке Восточно-Сибирского моря, он трагиче-

ски погибает: льдина, уносящая его в Ледовитый океан – море инкогнитум, – словно соединяет героя с его мечтой. С другой стороны, с образом Ветлугина в тексте тесно связаны мотивы памяти и, как следствие, – бессмертия. Алексей, Андрей и Лиза, когда-то вдохновлённые творческим горением учителя, стремятся завершить начатое им дело, воплотить призрачную мечту в реальность во имя вечной памяти об истинном учёном.

Образ Ветлугина ёмко раскрывается через его противопоставление образу дядюшки Алексея – мелкого чиновника Фёдора Матвейча, считавшего себя в провинциальном Вёсьегонске образованным человеком. Они противоположны как смелость, дерзание и трусость, пассивность; как окрылённость мечты и приземлённость здравого смысла; как открывающее удивительные миры «чужачество» и унылый, ограниченный прагматизм...

Зеркально эта антитеза отразится и в системе образов героев (противостояние Алексея и Андрея Союшкину), и на уровне художественного пространства: островов Ветлугина и «скучного» уездного города Вёсьегонска, который рассказчик сравнивает с сундуком, из которого жители, чуть приоткрывая крышку, боязливо смотрят на мир. Если острова Ветлугина ассоциативно соотносятся с будущим, то Вёсьегонск – это старая, дореволюционная Россия. С судьбой Вёсьегонска в повести связана значимая символическая деталь. В споре с Ветлугиным дядюшка скептически произносит: «Скорее Вёсьегонск с места сойдёт, чем ты свои острова найдёшь» [1]. Как чудо в повести изображена сила научной мысли и труда советского человека: через несколько лет городок действительно сходит с места; его переносят при строительстве водохранилища. Хотя автор и акцентирует внимание на том, что «чудо» стало возможно воплотить в жизнь только при новой власти Советов, всё же главное для него, думается, гуманистический пафос победы человеческого дерзания, способного изменить мир, над скептицизмом. Так, за

объяснимым, за активной человеческой волей в повести Л. Платова всегда присутствует ощущение чуда, едва уловимая логика судьбы, с которой интуитивно соприкасаются герои. Это становится в тексте исключительно важным для создания образа Севера, соединившего мистическое и реальное, древность и современность.

Повесть Л. Платова представляет собой своеобразную хронику, где этапы поиска островов соотносятся с периодами становления нового советского мира (основное действие происходит в 1930-е гг.). Параллельно образ северных островов развивается во времени. Сначала это гипотетические острова, образ, родившийся из книг, неподтверждённых свидетельств кормчего Веденя, жившего в XVII веке и путешественника Текльтона, так и не увидевшего таинственной земли. Затем гипотеза находит подтверждение косвенными доказательствами: фотография песка, сделанная в тех местах; свидетельства проводника Куркина о пролетающих в том направлении птицах. И, наконец, две экспедиции (первая – неудачная) по поиску Земли Ветлугина, в рамках описания которых Л. Платов и создаёт подробный образ северных островов.

Их появлению в тексте предшествует важный образ заполярного Севера, словно автор постепенно подводит героев к осуществлению мечты. Прежде всего это образ города Океанска, откуда герои отправляются на поиски островов и куда возвращаются. Впервые в тексте он возникает как деревня Последняя, где до революции отбывают ссылку Ветлугин и Овчаренко. Название символично, оно указывает и на рубежный характер расположения деревни (последняя граница, где заканчивается мир человека и начинаются владения Арктики), и подчёркивает соцреалистическую логику: то, что во времена царя было последним рубежом, определявшим пределы человеческих возможностей, в эпоху советской власти стало городом Океанском, распахнувшим простому человеку дорогу в неизведанный мир.

Описания Последней и Океанска разнятся. Ссылным казалось, что в Последней «время остановилось»; Овчаренко вспоминает, как сильны были в жизни обитателей деревни русские народные традиции, «старорусские обычаи и обряды». Воспринятый рассказчиком сквозь призму воспоминаний Овчаренко образ деревни Последней, где жили отважные моряки, охотники и мореплаватели, видится Алексею Ладыгину прежде всего через людей, через сильный, упрямый, негибемый, национальный русский характер, черты которого, по мысли автора, заметны и в самом рассказчике, и в его друге Андрее Звонкове, и в деятельной, с ореховыми глазами Лизке, и в других советских людях, как бы воспринявших лучшее от своих предков.

Деревня Последняя, превратившись в Океанск, меняется внешне. При его описании рассказчик обращает внимание на несколько смысловых значений. С одной стороны, это один из множества северных городов, подчёркивается его типичность. С другой стороны, актуализируется семантика дома в связи с образом Океанска: город – деревянный, тёплый, живой дом, с улицами-сенями и трудолюбивыми жителями. И, наконец, Океанск – город-порт.

Если облик деревни последней со времён революции изменился сильно (что создано человеком, закономерно подвержено переменам), то окружающий пейзаж Заполярья статичен, вечен. Север, каким видит его Алексей Ладыгин, не сильно отличается от того унылого пейзажа, что когда-то наблюдал в ссылке Ветлугин. Однако рассказчик способен и на другое восприятие. Он, зимую в Океанске, отмечает удивительную тишину, в которой человек мог слышать свои пульс и дыхание, а также холод, идущий, «казалось, отовсюду: от промёрзшей до основания земли и из бездонного, ясного неба». Поэтично его видение северного сияния: «На севере в чёрной глубине неба вдруг возникало облачко... Свет его становился всё ярче и ярче. Если ветер был не сильным и дул с севера, сияние продолжалось очень долго. Очарование его заставляло

забывать о холоде. Вот радужные складки тяжелеют, как бы отвердевают, это свод пещеры, с которого свешиваются сталактиты. Вереница сверкающих разноцветных арок уводит куда-то вдаль, к таинственной, темнеющей черте горизонта... Похоже на ворота в сказочный мир. Но что там? Острова ли? Пустынное ли, покрытое льдами море?» [1]. Рассказчик, вопреки тяжёлым условиям зимовки, удивляется чуду Севера, восхищается им. Красота северного сияния помогает человеку забыть об инстинктивном страхе смерти, который вызывает Север, словно сам таинственный мир манит, призывает открыть свои тайны. Знаковым в контексте повести является сравнение северного сияния в Океанске с разноцветными сводами чудесной ледяной пещеры. Подобные образы мы встретим при авторской характеристике Земли Ветлугина: «Сказка! Сказка!.. Подземные дворцы изо льда!.. А какие сталактиты, сталагмиты!..» [1]. При описании пейзажа Океанска Л. Платов указывает на возможность двоякой трактовки образа Севера: либо с точки зрения психологически достоверной и объяснимой (рассказчик, увлечённый мечтой об островах, хочет видеть в Арктике обещание успеха в поиске Земли Ветлугина), либо с позиций символических. Тогда Север предстаёт как таинственный мир со своими, неподвластными человеку законами.

Кроме образа Океанска писатель создаёт целый ряд пространственных образов, без которых понимание специфики островного локуса в повести было бы неполным. Это образы моря, миражей, тумана, льда.

На протяжении второй композиционной части повести, где рассказывается о двух экспедициях к земле Ветлугина, автор создаёт живописный образ моря. Интересно, что при характеристике моря рассказчик в своём восприятии часто приближается к народному взгляду на ситуацию, что выражается в особых локальных афористичных словесных формулах и поговорках. Например: «Водная поверхность как бы приподнималось, море парило, как говорят на Севере» [1] или: «Старики говорят: «Моря не бойся – горы бойся...» [1]. Это указывает на то, что в

образе моря в повести Л. Платова наряду с индивидуальным восприятием героя отражено специфическое северорусское видение мира. В этой связи важно вспомнить образ капитана «Пятилетки» Федосеича, помора, уроженца архангельской Соломбалы, «чувствующего море» и «понимающего льды», воплощающего в своей работе триединство знания, опыта и вдохновения. Рассказчик неслучайно сравнивает Федосеича с кормщиком Веденеем, он видит в них единую основу, особый северорусский вариант национального характера, генетически связанного с родным для него северным миром. Неслучайно, думается, при описании Федосеича автор подчёркивает в качестве портретной детали «прищур глаз, очень светлых, как бы отражавших блеск и белизну льдов впереди» [1].

Мотив отражения в целом характерен для писательской манеры Л. Платова при создании образа Севера. Так, его северное море отражается в небе и наоборот: «Северное солнце светило неярко, и всё же пространства чистой воды отбрасывали такое слепящее сияние, словно то было гигантское зеркало» [1]. Это отражение часто переходит в единство, когда человек уже не может провести границу между верхом и низом: «Море, одно бескрайнее море было впереди. Море и небо. Линия горизонта стёрлась между ними...» [1]. «Море ревниво хранило свои тайны» [1], и человек, которому не дано в них проникнуть, неизбежно обманывался, вместо долгожданной земли, видя миражи.

Герои повести в кают-компании ведут жаркие споры по поводу миражей – явления, характерного для морских широт и способствовавшего появлению такого количества белых пятен на географических картах. С образом миража в повести тесно связаны мотив обмана и сам центральный образ исчезающих островов. Так, рефракцию наблюдают путешественники рядом с островом Врангеля, а Союшкин называет Землю Ветлугина возможным миражом, возникшим от токов тёплого воздуха над водяной полыньёй. С другой стороны, рядом с возможным научным объяснением в связи с образом исчезающих островов в повести возни-

кает образ мифологической Атлантиды, затерянной земли: «Мираж – блуждающий дух земли, которой уже нет на свете... Она исчезла, провалилась под воду, но отблеск её... скитается по арктическим морям» [1]. Метафорический образ Атлантиды, ушедшей под воду, в финале повести образует один из важных сюжетных мотивов: острова Ветлугина тоже должны были уйти в небытие.

В смысловом отношении с образом миража тесно связан туман. В повести Л. Платова он характеризуется прежде всего как географическое и физическое явление, неотъемлемый признак Арктики. Однако архетипическая сущность образа тумана отсылает к символическому подтексту повести: в мифологическом сознании туман традиционно воспринимается как атрибут потустороннего мира смерти наряду с холодом и тьмой. Так, сильный туман при подходе экспедиции к Земле Ветлугина – следствие деятельности опреснителей – может быть истолкован и как знак перехода героев символической границы из одного мира в другой, из *more incognitum* на землю, из прошлого в будущее, из мечты в реальность. Тогда неслучайными именно в этой части текста кажутся два сна Алексея, во втором из них возникает образ Петра Ариановича, который словно благословляет и благодарит Ладыгина, исполнившего их общую мечту.

И, наконец, для создания островного локуса в повести важен образ льда. Именно лёд, его движение в начале повести натолкнули Ветлугина на мысль о наличии островов; и непроходимый ледяной пояс явился трудной преградой, отделявшей человека от архипелага. При описании арктического льда Л. Платов научен и метафоричен одновременно. Образная составляющая прежде всего связана с лейтмотивом борьбы, боя человека с Арктикой, её льдами-войсками. В соцреалистическом произведении человек побеждает стихию упорством, дисциплиной, силой мысли и техники. Но эта победа частная; путешественники отвоевали у Арктики Землю Ветлугина, но не покорили Север в целом.

Метафоричность образа льда у Л. Платова непосредственно связана с образом самих исчезающих островов, поскольку Земля Ветлугина и есть лёд с примесями осадочных пород. Центральной метафорой при описании архипелага является «остров-терем»; часто герои при его характеристике повторяют слово «сказка»: Примечательно само явление земли: «...она открылась внезапно, будто выплыла из воды» [1]. Наречие «внезапно» и глаголы, обозначающие «действия земли» в восприятии рассказчика создают ощущение чуда: земля как бы по своему желанию, а не по требованию человека открывается путешественникам. Точно так же, по таинственной задумке природы она должна исчезнуть: «Спешить, чтобы застать!» – призывал в своих записях Пётр Арианович, поняв природу архипелага. Однако у Л. Платова советский человек может менять космический замысел, например, он способен сохранить с помощью науки и инженерного искусства так необходимую СССР в этой части Арктики землю. Но и здесь в тексте нет однозначности. Герои, меняя судьбу острова, всё же чувствуют, что не они здесь истинные хозяева. В этом их убеждает суровая полярная ночь, огромные птичьи базары и удивительные находки типа древней туши мамонта – первого хозяина острова.

Таким образом, у Л. Платова человек – не хозяин, а гость Арктики. Земля Ветлугина дала героям возможность прикоснуться к древним тайнам Севера совсем немного, и его загадки для рассказчика – суть загадки самого мира, бытия.

Итак, образ острова, заявленный в книге Л. Платова как центральный является доминантным, его созданию способствуют частные образы и мотивы, одновременно выступает как составная часть единого образа Севера. Формированию и развитию островного локуса в помогают образы деревни Последней и города Океанска, разведённых в художественном времени произведения; взаимосвязанные образы моря и неба, объединённые мотивом зеркального отражения; близкие к ним в художественной системе координат образы миража и тумана, актуализиру-

ющие мотивы обмана и исчезновения земли; а также образ льда, тесно взаимодействующий с лейтмотивом боя, борьбы человека с Арктикой. Центральный образ архипелага исчезающих островов дан одновременно документально и метафорично и связан с мотивами чуда, красоты, исчезновения, призрачности, древности. Кроме того образ земли Ветлугина ассоциативно в тексте связан с образами дома, корабля (плавучая ледяная глыба), сказочного терема, Атлантиды, что помогает создать автору мифопоэтический, символический подтекст произведения.

Список использованных источников

1. Платов Л. Архипелаг исчезающих островов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/read/platov_leonid/arhipelag_ischezayushchih_ostrovov.html#0 (дата обращения: 26.01.2015).